

Проспер Буассонад

ОТ НАШЕСТВИЯ ВАРВАРОВ
ДО ЭПОХИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ

Жизнь и труд
в средневековой Европе

Проспер Буассонад

**От нашествия варваров до
эпохи Возрождения. Жизнь и
труд в средневековой Европе**

«Центрполиграф»

2010

Буассонад П.

От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе / П. Буассонад — «Центрполиграф», 2010

В своей работе французский историк, профессор П. Буассонад анализирует причины возникновения и формирования на протяжении десяти веков (V–XV вв.) феномена европейской цивилизации, которая возникла на пепелище Римской империи, возродила и в тяжелой борьбе отстояла основные ценности и культурные институты просвещенного человечества. Автор дает яркую и впечатляющую картину раннесредневековой Европы, где под влиянием Церкви изменяется отношение к труду и государству. Он объясняет, что такое общинно-корпоративное устройство средневековой (темной) Европы, в каком виде существовала в этот период промышленность и почему земля почиталась главной ценностью. По мнению Буассонада, носителями основных духовных и культурных традиций были крестьяне, а важнейшим элементом развития Европы в X–XIII вв. стали возникновение третьего сословия и формирование единых национальных государств.

© Буассонад П., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Книга I	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Проспер Буассонад

От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе

Книга I

ТРУД В ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЕ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. ПЕРИОД ВТОРЖЕНИЙ, РАЗРУШЕНИЯ ЭКОНОМИКИ И ПОПЫТОК ЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ. V–X ВВ

ГЛАВА 1

Римская Европа и варварская Европа в начале Темных (Средних) веков¹. – Общественный и экономический уклад захватчиков

С V в. начался долгий – длиной в тысячу лет – период, известный под названием Средние века, в течение которого произошли одни из величайших общественных и экономических изменений за всю историю труда. Этот период начался с катастрофы: Римская империя (Западная Римская империя. – *Ред.*) погибла в результате вторжения на ее земли и расселения на них варварских народов. Это бедствие, которого никто не мог предвидеть, имело важнейшее значение для истории, потому что едва не привело к полному уничтожению цивилизации. К счастью для нового мира, ростки которого должны были взойти на развалинах старого, порядок, установленный Римом, не исчез полностью, и новые государства раннего Средневековья выросли на его остатках, которые стали для них прочным фундаментом.

Римская империя (с 395 г. – Западная Римская и Восточная Римская империи. – *Ред.*) – конгломерат земель, площадь которого была больше 3 миллионов квадратных километров, – в начале этого периода еще занимала примерно четверть Европейского материка, в том числе его самые плодородные области – Грецию, Македонию, Мёзию (входившие в начале V в. в префектуру Иллирия), Фракию (земли на востоке Балканского полуострова и Дунае), а также Малую Азию, земли в верховьях Тигра и Евфрата, Сирию, Палестину, Египет и Киренаику, входившие в Восточную префектуру, – земли этих двух префектур с 395 г. стали землями Восточной Римской империи; на западе в Западную Римскую империю входили префектура Италия (Италия, Паннония, Реция и Северная Африка без Западной Мавритании) и префектура Галлия (Галлия, Британия, Испания и Западная Мавритания (Тингитана) в Северной Африке). На севере граница империи проходила по Дунаю и Рейну, а на острове Великобритания между устьями рек Форт и Клайд (вал Антонина). За ее пределами, на остальных трех четвертях Европейского континента продолжало царить варварство (несколько упрощенный взгляд. – *Ред.*). В отношении цивилизации Римская империя (с 395 г. – две империи), где народ недавно принял

¹ Раннее Средневековье с IV по X в. иногда называют Темными веками. (*Пер.*)

христианство, породившее в нем стремление к более высокой нравственности, сделала такой шаг вперед, подобного которому человечество не делало никогда. В ней впервые была создана система управления, которая поставила желание одного человека ниже законов и обеспечила государственной власти и единому государству победу над анархией древних городов-государств. (Такая система управления была создана все же раньше – во времена Римской республики, а во времена империи часто личность императора оказывалась выше правил и законов. – *Ред.*) В Римской державе было создано первое крупное политическое объединение из многих миллионов свободных людей, «братьев и родственников римского народа», которые начиная со II в. имели одинаковые права, подчинялись одним и тем же законам, пользовались одними и теми же гражданскими свободами и были защищены беспристрастным правосудием от любой стоящей над ними власти, кроме власти государства. Жители империи возвысились, под влиянием благородных идей стоицизма и христианства, до понятий о том, что все люди – братья, а человеческое общество – объединение всех цивилизованных народов. Империя несла власть порядка и мира и обеспечивала безопасность тех народов, которыми правила. Таким образом, был проделан изумительный труд – общество и экономика продвинулись по пути прогресса так далеко, что результаты этих усилий не могли исчезнуть полностью в последующие годы.

Повсюду, особенно в городах, пышным цветом цвела общественная жизнь – и продолжала цвести и в IV в. Существовали сотни городов, где жизнь многих людей была легка и приятна; эти города были украшены дворцами, общественными площадями, цирками, театрами, храмами, в них функционировали горячие источники, общественные бани, рынки. Чистая вода подавалась по акведукам – иногда за десятки километров. Все значимые города были защищены крепостными стенами с башнями. Великолепие столичных городов – Константинополя (построенного на месте греческого Византия), Рима, Милана (Медиолана), Равенны, Никеи, Никомедии (в Медиолан, Августу Треверов (Трир), Никею и Никомедию часто переносились резиденции императоров), а также Фессалоники (совр. Салоники), Трира, Арля, Лиона (Лугдуна) и многих других – было беспрецедентным, в нем соединились роскошь и цивилизация. Сельская местность изобиловала поселками (*vici*) свободных мелких землевладельцев и изящными домами – одновременно и местами для веселого отдыха, и укрепленными замками, где жили хозяева крупных имений, проводившие лето в своих обширных владениях (*villae*). Несмотря на то что население империи медленно сокращалось и это обескровливало ее в последние полтора столетия ее существования, империя только в Европе насчитывала более тридцати миллионов жителей и вызывала зависть у окружающих ее варваров (численность населения всей Римской империи в период расцвета во II в. н. э. – 60 миллионов, затем было падение, но в первой трети IV в. население империи снова достигло 55–60 миллионов. – *Ред.*). Хотя по структуре римское общество оставалось аристократическим, верхние слои общества не были закрытыми кастами: любой гражданин мог возвыситься и оказаться в числе знатных благодаря своим воинским заслугам, богатству или деятельности на общественных должностях. Существование по-прежнему многочисленного среднего класса, который состоял из мелких землевладельцев, купцов и ремесленников – таких людей называли *mediocres* (средние. – *Пер.*) или *honorati* (почтенные. – *Пер.*), – способствовало сохранению в обществе того своеобразного равновесия, которое центральная власть с трудом поддерживала за счет знати, крупных землевладельцев и высших чиновников. В городах и в сельской местности свободный труд ремесленников, крестьян-арендаторов и поденных рабочих существовал рядом с полусвободным трудом работников в государственных мастерских и колонов в больших поместьях. Сословие независимых ремесленников и их объединения (*collegia*) были признаны и пользовались уважением; они входили в официальную иерархию граждан наравне с торговым сословием – купцами (*mercatores*), которые были организованы по тому же принципу. Хотя империя страдала из-за существования ленивого и жалкого городского пролетариата (неимущие, лишенные средств производства свободные граждане, не работая многие годы, требовали «хлеба и зре-

лиц» – бесплатное продовольствие, бани и посещение цирков. Не путать с «пролетариатом» марксистов – наемными рабочими фабрик и заводов. – *Ред.*), увеличения числа бедняков и суровости порядков, которые были установлены для бедных и низших, в двух направлениях был достигнут прогресс, имевший первостепенное значение. Под влиянием философии стоиков и христианского учения и еще в большей степени под давлением экономической необходимости рабство – отживавшая свой срок непродуктивная форма трудовых отношений – почти полностью (в значительной степени. – *Ред.*) исчезло, уступив место труду свободных ремесленников в городах и колонов в сельских округах. Огромное множество людей получило если не полную, то хотя бы половинчатую свободу. Принадлежность к сословию колонов стала нормой среди сельского населения, и это прокладывало путь средневековому крепостному праву. В IV в. ряды колонов пополнило множество людей из городов, и благодаря этому земледельцы получили права римских граждан, личную свободу, право пользования землей, безопасность и уверенность в завтрашнем дне.

Несмотря на экономический кризис, порожденный вражескими вторжениями в III в. и чрезмерными налогами, римская Европа в начале V в. все же была богаче материальными благами, чем любая другая часть мира. Некоторые ее области, например Греция и расположенная на полуострове часть Италии, тяжело пострадали от убыли населения, войн и перемен в экономике, но многие другие части империи не имели себе равных по плодородию, уюту и благосостоянию жителей. В особенности это было верно для Македонии, Фракии, Далмации, Северной Италии, Испании, Галлии и Британии. Аммиан Марцеллин отметил, что в целых провинциях – например, в Аквитании – почти не было бедняков. За четыре столетия Рим сумел превратить ту часть Европы, которая подчинялась его законам, в подобие пчелиного улья, где каждый был занят производительным трудом. Империя изменила даже внешний вид этих земель: леса были в значительной степени вырублены, болота осушены, земли распаханы. Плуг и лопата победили дикую природу. Разведение скота, выращивание зерновых, возделывание технических растений, плодовых деревьев, винограда и олив достигли высочайшей степени развития, а римская колонизация охватывала все более обширную территорию. Промышленное производство достигло невиданных ранее результатов в области добычи полезных ископаемых и металлургии, а также в ткачестве и в изготовлении изделий из кожи, керамики и стекла. Началось разделение труда. Возникла и достигла процветания мелкая городская промышленность в форме мастерских; наряду с ней существовали старое домашнее производство (которое она затмила собой) и новая, только зарождавшаяся, капиталистическая промышленность. И наконец, торговля, которая активно велась даже накануне вторжений, и этому способствовало возникновение более сложных инструментов коммерческой деятельности, разработка инструментария кредитной деятельности, развитие речного транспорта, строительство великолепной сети дорог общей длиной более 90 тысяч миль (почти 145 тысяч километров) и постройка крупных портов. «С каждым днем мир становится лучше ухоженным и более богатым. Всюду идет торговля, всюду есть города», – писал один враг римского общества.

Чего же в таком случае не хватило империи, чтобы отбить новое нападение варваров? Только правительства, которое не было бы сковано жесткими бюрократическими требованиями, замедлявшими ведение дел; только правящего класса, который бы лучше осознавал свои обязанности и свою роль в обществе; только меньшего числа наемников в войсках, только больше гражданского самосознания, и чтобы это чувство не было так испорчено безразличием к политике и вырождением самих граждан. Другие общества столкнулись с этими же бедами, но уцелели благодаря коренным реформам (а также напряжением всех сил при столкновении с внешним врагом. Когда выбор между жизнью и смертью, свободой или рабством предельно ясен. – *Ред.*). Империя (Западная Римская. – *Ред.*) не смогла или не захотела таких изменений – и потерпела поражение от варваров. Но цивилизация, которую она создала, оставила глубокий след, который не дал Европе остаться варварской навсегда.

Среди различных народов, населявших варварский мир, наименьшее значение имели урало-алтайские. Одна их часть – северные и восточные угро-финны – состояла из кочевых и оседлых племен, живших в полосе лесов и болот, которая занимает половину современной России, от Северного Ледовитого океана до верхнего течения Волги. Эти племена не участвовали в тех вторжениях, о которых сейчас идет речь. Другая часть состояла из народов Восточной и Центральной Азии. Эти гунны, авары, булгары, хазары, печенеги (патцинаки), мадьяры (венгры) и монголы были в большинстве случаев только разрушителями. Свирепые и жестокие, знавшие только кочевую жизнь и не имевшие ничего, кроме своих стад, они добывали себе средства к существованию в первую очередь войной и грабежом. Они объединялись в орды – союзы племен, из которых каждое могло вывести на поле боя примерно две тысячи воинов, а сами племена состояли из сотен патриархальных семей. Управляла ими знать, состоявшая из вождей или царей (ханов, каганов или судей), которые указывали своему народу, куда идти. У этих народов-хищников была какая-то жажда все разрушать. Их мужчины считали для себя позором не убить врага, а в торжественных случаях пили из черепов тех, кого победили, и вешали на шеи своим коням полосы человеческой кожи в качестве трофеев. Эти народы были, как, по утверждению летописцев, сказал повелитель гуннов Атила, «бичами Божиими». Куда бы они ни пошли, они оставляли после себя только развалины, и от их вторжений не осталось ничего, кроме воспоминаний о разрушении – диком и глупом.

Влияние славянских народов оказалось гораздо более глубоким и не таким вредным. Эти народы индоевропейского (арийского) происхождения до того времени жили в неизвестности на просторной Восточно-Европейской равнине, в основном как оседлые племена, пока не были заброшены великими вторжениями гуннов на поросшие лесом вершины Карпат, как на крепостные башни. (Об этом говорят оставленные в страшной спешке многочисленные поселения славян, например на верхней Висле, а также большое количество кладов этого времени в Повисленье и на Волыни. Славяне уходили не только в Карпаты, но и на север – в Полесье и дальше (вскоре, в VI в., они дошли и до района Москвы (курганы у села Беседы). – *Ред.*) Спускаясь оттуда, славяне с V по VII в. расселились на землях, опустевших после ухода германцев и угро-финнов, – на территории современной России (они занимали примерно пятую часть ее, от Двины до Днепра и больших озер), на равнинах возле Вислы, где сейчас находится Польша (район верхней Вислы, Волыни и Приднепровья (район Киева и Переяслава-Хмельницкого) и полоса земель далее на восток (верховья Сейма – совр. Курск и др.) – земли, где славяне были всегда – со времени своего относительного обособления в едином индоевропейском (арийском) массиве около 1500 г. до н. э. – *Ред.*), вдоль всего южного побережья Балтийского моря, в Судетах и даже в Северной Германии, которая из Германии стала Славней, в Богемии (Чехии) и Моравии. На юге они заселили земли по Дунаю, Каринтию и Словению, Хорватию до берегов Адриатики и даже переправились через реку Саву, когда целый рой сербских племен заполнил Мёзию и Македонию. Славяне оттеснили на территорию между своими землями и восточным побережьем Балтики другие, тоже индоевропейские, племена – пруссов, ливов и литовцев, которые до сих пор оставались в бездействии.

Эти не похожие один на другой народы тогда еще не доросли до понятия о государстве. Они были объединены в общины из нескольких семей (такая группа семей называлась *задруга*, *двориче* или *вервь*), в каждое из которых входило от тридцати до сорока человек, а эти общины, особенно у южных славян, в некоторых случаях объединялись в более крупные группы. Такое объединение называлось *братство* и было аналогично римским *gentes* (родам. – *Пер.*) и греческим *φратриям*. У славян, которые были ближе к патриархальному строю, чем германцы, каждая семья жила под властью вождя или старейшины. Имущество принадлежало всей семейной общине и было неделимым и неотъемлемым. Работали все вместе. Прав на наследство и частную собственность у них не было. Все считалось общим, даже мебель и иные вещи, сделанные кем-то одним. Существовала старинная славянская поговорка: «Куда бы корову ни увели,

телится она всегда дома». Все члены семьи имели одинаковое право пользоваться плодами труда каждого из них. Каждая семейная группа заботилась о больных, стариках и хозяйствах, которые возникли в результате отделения от нее. Такой деревенской общины, как у германцев, не было. Были только объединения задруг, племена (*волости, роды, жупы*), бесчисленные маленькие кланы, каждый со своим именем или прозвищем. Во главе каждого племени стояли его религиозные, гражданские и военные вожди, которым помогали советами старейшины и собрание свободных членов племени. Они владели имуществом, лесами и пастбищами, которые через определенные промежутки времени перераспределялись между членами племенной общины. Основная масса населения состояла из свободных людей, которые очень ревниво оберегали свою независимость и все имели равные права. Они не признавали над собой никакого начальства, кроме своих выборных вождей, которые не имели никаких привилегий. И заставляли работать на себя римских колонов, которых обнаруживали на занятой земле, и рабов, которых добывали путем войны, пиратства или торговли.

Хотя они уже достигли в своем развитии стадии оседлости, у них не было городов, а только поселки-убежища (которые назывались словом «город»). Эти поселки были круглыми по форме, их окружали деревянные или земляные ограды, рвы или частоколы с одним входом, а вокруг такой ограды веером располагались крестьянские дома и сады. Обычно славяне жили на расстоянии друг от друга в разбросанных по местности усадьбах (называвшихся словом «деревня»), но иногда селились вместе в больших поселках или деревнях, вытянутых по форме, где дома стояли вдоль дорог или троп. Эти люди знали только натуральное домашнее хозяйство: каждая семья и каждое племя были вынуждены сами производить для себя все необходимое. Значительная часть их территории, особенно на северных, восточных и южных равнинах, была занята болотами или водой. Эти места были обильны рыбой, и славяне, а также латыши добывали ее там в больших количествах. Обширные леса, в основном дубовые, но также буковые, где росли и береза, клен и сосна, значительная часть которых была не тронута человеком, занимали четыре пятых тех обширных земель, где жили славяне. На своих землях эти племена охотились на диких зверей – оленей, ланей, зубров и медведей, а также ловили пушных зверей. Славяне собирали мед диких пчел, а на открытых пространствах, горных пастбищах и травянистых лугах пасли большие стада крупного рогатого скота, овец и табуны лошадей, как и кельты, балты, италики и другие индоевропейцы, держали много свиней (и любили свинину, особенно окорок и сало. – *Ред.*). Славяне считались хорошими скотоводами, а как земледельцы были одареннее германцев: те заимствовали у них лемех. (Из группы особенно близких индоевропейских народов (славяне, германцы и балты) германцы дольше всех хранили нравы арийских кочевых пастушеских племен, которые в 3–2-м тысячелетиях до н. э. колонизовали Центральную Западную и Южную Европу, а также, частично, Ближний Восток, придя сюда из степей и лесостепей между Днестром и Южным Уралом. Восточная часть арийских племен (от Южного Урала до Алтая и далее), продвигаясь на юг, заселила Среднюю Азию, Иран и Индию, часть продвинулась в Центральную Азию (которая долго еще была «белой») и в Северный Китай (где позже возникла, при смешении пришлой по генезису культуры яншао с местными монголоидными племенами культуры лун-шань, первая китайская цивилизация Шан (Инь) (ок. 1520–1030 до н. э., легендарные даты 1766–1122 до н. э.). – *Ред.*). Хотя славяне были знакомы только с экстенсивными методами земледелия, они уже выращивали зерновые культуры на плодородной земле этих местностей и обычно снимали урожай втрое больше, чем было посеяно. Они были хорошо знакомы с техническими растениями, например со льном и коноплей, но ремесла, за исключением кузнечного дела и ткачества (а также гончарного дела. – *Ред.*), были у них в зачаточном состоянии, и нигде продукция ремесла не изготавливалась для продажи на рынке вне семьи и племени.

Товары для торговли славяне доставляли на спинах людей или вьючных животных по примитивным тропам или на лодках вниз по рекам, но торговля шла активно только по сосед-

ству с Византийской империей. Заменой денег славянам часто служили шкурки выдр и горностаев; но чаще всего они просто меняли товар на товар. Тем не менее славяне позволяли чужеземцам (*гостям*) (в оригинале славянское слово *gost*. – *Пер.*), приезжавшим для торговли, жить в особом помещении, состоявшем из нескольких построек с двором посередине – *гостином дворе* (в оригинале эти же слова, только написаны латиницей: *gostinny dvor*. – *Пер.*). А с VII в. у славян появилось много больших рынков – в городе Юлин, иначе Винета, на острове Волин в Померании (польское поморье. – *Ред.*); в Новгороде, Смоленске, Ленчице (Поморье) и Киеве. Но славяне не отличали торговлю от грабежа. Для них купец и разбойник было одно и то же, и торговый склад часто бывал разбойничьим логовом (*tovary*). На Балтике они жили пиратством, среди русских – грабительскими набегами или данью, которую вожди силой брали с местного населения и использовали для своей выгоды. Жизнь этих славян была еще примитивной, как у первобытных народов: они жили иногда в пещерах или в землянках (это когда сгорали избы. – *Ред.*) и довольствовались самой грубой пищей. Беспечные и расточительные, они постоянно страдали от голода (типичные западноевропейские басни о славянах. – *Ред.*). Грубые, драчливые и безжалостные к слабым (такими в гораздо большей степени были германцы. – *Ред.*), они были так далеки от того миролюбия, которое приписывают им легенды (свидетельства путешественников и античных географов. – *Ред.*), и поэтому постоянно воевали. Этот неугасающий огонь сражений все время поддерживали враждующие между собой семьи и племена – просто из-за любви к войне и необходимости грабить. Русский летописец Нестор и византийские историки свидетельствуют, что эти пастухи, лесные жители и пахари прекрасно умели устраивать засады и разбойничать на море, таиться в лесах и пересекать вплавь большие реки, великолепно стреляли из лука и метали отравленные дротики. Только под влиянием христианства славяне стали цивилизованными.

Германцы, их соседи и родственники, продвинулись по пути цивилизации не дальше, чем они. Эти люди – смесь различных типов, как темноволосых низкорослых брахицефалов, так и рослых долихоцефалов со светлыми волосами – то есть далеко не такой чистый расовый тип, как о них часто пишут (поскольку некоторое смешивание с доарийским населением Европы все же происходило. – *Ред.*), – к тому времени уже примерно тысячу лет жили на туманных берегах северных европейских морей. Одна из ветвей этого семейства народов – готы покорили коренное население, жившее там еще в бронзовом веке, в том числе финнов Южной Скандинавии, а потом отправились путем варягов по Днепру и добрались до великих степных равнин Восточной Европы, где и поселились вестготы и остготы. У себя за спиной, на берегах Балтики готы оставили скандинавов, англов и ютов, а также вандалов. К второй ветви германцев, тевтонам, принадлежали многие народы, жившие от Северного моря до Рейна и верховьев Дуная: саксы, фризы, лангобарды, бургунды, баварцы, тюринги, франки и алеманны (аламаны). Во II в. эти варварские племена, населявшие столь обширные земли, все вместе насчитывали всего около 2 или 3 миллионов человек, а в конце IV в. – около 4 миллионов. Самое многочисленное племя, остготы, насчитывало не более 800 тысяч человек, вестготов было 200 тысяч, а франков, бургундов и лангобардов еще меньше. Непрекращающиеся войны, голод, нужда и тяжелый труд, а также обычай подкидывать или убивать нежеланных младенцев и высокая смертность мешали росту численности этих плодovitых по природе народностей. Германцы, как правило, не знали понятий «нация» и «государство» и объединялись только во временные союзы или военные конфедерации. Единственными постоянными сообществами у них были племена, которые насчитывали каждое от 10 до 12 тысяч человек, а сами племена складывались из деревенских общин, семей, а также родственных групп (*genealogiae, propinquitates*), которые, возможно, объединяли родственников-воинов; жили германцы в нескольких тысячах округов (*pagi, gauen*). Помимо иллюзорной власти королей, единственной подлинной силой была власть военных вождей, выборных военачальников и предводителей воинственных банд, вокруг которых собиралась добровольная свита (*comitatus*) из клиентов, которые разделяли

судьбу своего покровителя в счастье и в несчастье. Наследственной знати не было, существовала лишь масса свободных людей, которые собирались, чтобы обдумать общие дела и выбрать королей, военных вождей и деревенских старост (*ptincipes*).

Это буйное демократическое общество, в недрах которого формировалась военная аристократия, сохраняло жизнеспособность благодаря патриархальной, основанной на кровном родстве семье. Все члены семьи были солидарны друг с другом, все жили вместе (младшие не отделялись от старших) и совместно владели неотчуждаемым имуществом. В такой семье могло быть от 50 до 500 человек, глава семьи имел над ней абсолютную власть (*mundium*), которая распространялась на женщин, детей и родственников со стороны отца и матери. В этой среде развивалось неравенство, порожденное общественным разделением труда. Особого сословия священнослужителей (как, например, друидов у кельтов) не было, а знатные люди были выше массы свободных людей лишь богатством, которое обеспечивало им почет, или особыми полководческими способностями. Обычными занятиями знати и свободных германцев были охота, участие в делах деревенской общины или племени и, в первую очередь, война. Труд все германцы считали низким занятием и оставляли – так же как домашнее хозяйство – на долю либо подневольным служанкам (*ancillae*), либо малочисленным рабам (*mancipia*), цена которых была равна стоимости одного коня или нескольких быков, либо – когда дело касалось обработки пахотных земель – поручали подневольным земледельцам, *Utes* или *aidions*, которых было мало так же, как мало было самой возделанной земли. (Вот автор и раскрыл коренные отличия между славянами и их менее цивилизованными родственниками германцами. – *Ред.*)

Хотя германцы в своем развитии уже достигли стадии оседлости, большинство из них остались верны примитивным патриархальным формам общественного строя. Преобладающей формой имущественных отношений у них была коллективная собственность племени, округа или деревни, называвшаяся *mark* или *allmend*. В число общих земель входили не только пустоши, болота и пастбища, но также луга и пашни. Один немецкий ученый обнаружил следы племенной собственности в 190 округах (*pagi*) Древней Германии, но собственность деревенских общин имела гораздо большее значение. Земля принадлежала сообществу свободных людей. Они все были ее совладельцами и имели одинаковое право пользоваться ею и временно проживать на ней. Только эти совладельцы имели право распоряжаться своей землей, предварительно собравшись все вместе и посоветовавшись друг с другом. Они же совместно выполняли на своей земле роль нынешних администрации и полиции. В лесах, на вересковых пустошах, в болотах и на пастбищах каждый из совладельцев мог рубить дрова, охотиться на диких зверей, собирать мед диких пчел и выгонять свой скот пастись под присмотром общего пастуха. Каждый мог приводить своих коров или кобыл на случку к общему быку или жеребцу, пользоваться общим прудом, колодцем и дорогой. Луга весной огораживали и делили на участки по числу семей, а после сенокоса открывали эту ограду и позволяли там пастись скоту всех членов общины.

Лучшие земли оставляли под пашню и делили на равные по ценности продольные полосы (*gewänne*). Пахотные земли включали в себя три больших массива полей – под озимые и яровые культуры и земли под паром. Каждый год или раз в несколько лет участки полей перераспределяли между семьями. Один ученый, который глубоко изучил этот вопрос, отмечает, что каждая деревенская община включала в себя от 10 до 40 семейных хозяйств и каждому хозяйству выделяли по жребию примерно 30 акров земли (12 с лишним гектаров). То есть община могла возделывать до тысячи акров (свыше 400 гектаров), и каждый надел включал в себя полосы из всех трех полей. Иногда деревенские общины объединялись в более крупные союзы, которые назывались «сотни», занимали территории от примерно 75 до 800 квадратных миль (от около 200 до более 2 тысяч квадратных километров) и объединяли от 16 до 120 семей для совместного пользования теми общими землями, которые не были распределены между семьями.

Имущество семьи состояло из права на общие земли и из выделенных по жребии участков пашни, на которые каждый член общины имел равные права. Все это вместе составляло семейный надел (*hufe, manse*), размер которого колебался от 30 до 100 акров (от 12 с лишним до 40 с лишним гектаров). Большую часть надела обрабатывали, а оставшуюся землю держали под паром. У франков это называлось салическая земля (*terra aviatica*), а у англосаксов *ethel*. Скот и плуг также принадлежали этому «семейному кооперативу», члены которого жили общиной и совместно пользовались тем, что производили с помощью своего имущества. Выросшие сыновья не отделялись от родительской семьи, чтобы создать новую; приданое дочерям тоже не давали. Существовали только части единого целого, которые распределялись между сыновьями и хозяйствами. Частной собственностью были оружие, скот, еда, мебель и деревянный дом с маленькой усадьбой при нем.

В области экономических отношений этому общественному строю соответствовало простое натуральное хозяйство. Германцы умели только собирать то, что можно было добыть не трудясь, и возделывать землю самыми примитивными экстенсивными способами. Большинство из них жили простой жизнью рыбаков, охотников и пастухов под сумрачным небом, в постоянной борьбе с сыростью и холодом. На суровых морских берегах, среди болот, на отмелях и поймах, которые затапливались разлившейся рекой или яростным нагоном морских вод, а также приливами, под частыми дождями и в обычном здесь тумане племена ютов, англов, фризгов и саксов жили рыболовством и охотой. Надев предохраняющую от брызг одежду из тюленьей кожи, они спускали в прибрежную воду морей лодки из шкур, натянутых на плетенный из ветвей каркас, или длинные, выдолбленные из одного дерева ладьи. Земли германцев, которые лежали в глубине материка, были преимущественно дикими и безлюдными. Это был край вересковых пустошей и бескрайних лесов, на четыре пятых своей площади укрытый зеленым покровом из дубов, сосен и буков. Его, как и девственные леса Северной Америки, пересекали медленные реки, по которым плыло множество упавших деревьев, и населяли дикие звери. По нему ходили охотники и добытчики меда диких пчел, а свинопасы приводили в дубовые леса стада свиней кормиться желудями и лесными орехами. Пастьба скота на пастбищах, лугах и лесных опушках была основным занятием германцев. Они имели табуны лошадей, стада крупного рогатого скота, овец и коз. Из-за лени и невежества германцы получали очень небольшие урожаи пшеницы, ржи, овса, ячменя, бобов, чечевицы и льна со своих полей, которые обрабатывали мотыгами и плугами с деревянными лемехами (это, видимо, скорее соха. – *Ред.*). Земля быстро истощалась и начинала давать совсем плохие урожаи, потому что германцы только давали ей отдых, оставляя каждый участок раз в три года под паром, но не удобряли навозом. К тому же регулярное перераспределение участков мешало усовершенствованиям в земледелии. Сады и виноградники были только у тех германцев, которые жили по соседству с империей. Ремесла находились в зачаточном состоянии, их продукция предназначалась лишь для семьи или местного сообщества и удовлетворяла только элементарные жизненные потребности. Такой работой обычно занимались женщины и рабы: это они мололи зерно на ручных мельницах, варили пиво, пряли и ткали шерсть и лен, необходимые для каждого хозяйства. Но у нескольких германских народов были свободные ремесленники, например плотники у бургундов. Только немногие изделия – фризские сукна, тюрингские и саксонские льняные ткани и плащи – производились в количестве достаточном для торговли. Кроме того, в Германии были соляные шахты и рудники, где добывали железную руду. И те и другие разрабатывались примитивными способами, а металлы, полученные обычным методом, были такой редкостью, что люди иногда продолжали пользоваться каменными инструментами и каменным оружием. Гончарные изделия у германцев были только грубые, и лишь в обработке бронзы и изготовлении украшений из золота германские ремесленники делали первые попытки быть художниками.

Эти варвары торговали с соседними народами, в первую очередь с римскими купцами, у которых германцы на берегах Рейна и Дуная покупали вино, воинское снаряжение и оружие в обмен на охотничью добычу и продукты скотоводства. Но германцы почти не знали, что такое кредит и деньги, и просто меняли одну вещь на другую. Торговля была в этих краях опасным делом. Здесь, где пиратство и постоянные воинские набеги считались законным способом добыть то, что слишком мало производишь сам, купец-чужеземец, который вдруг казался германцам врагом или просто подозрительным человеком, мог лишиться жизни или по меньшей мере товаров.

Германцы во многом остались подобными хищным зверям. Они жили среди лесов и болот семейными группами, запершись в своих деревнях, хуторах, крестьянских домах или хижинах, которые были окружены рвами, оградами и частоколами, охранялись злобными псами и были скрыты завесой из деревьев в густых лесах или стояли на высотах – на холмах или островах. Города вызывали у германцев отвращение, и потому они имели не больше ста крепостей, где можно было укрыться в случае опасности. Германцы носили шерстяные или льняные рубахи и штаны, а поверх них плащи из звериных шкур, ходили босыми и разрисовывали себя грубыми узорами. Некоторые из них, например герулы, делали себе татуировку на лице. Питались эти люди молоком, сыром и мясом, иногда запивая пищу пивом. Будет у них еда или нет – зависело от удачи на охоте, от того, много ли пищи даю скотоводство, и от урожая. Голод истреблял эти народы или выгонял их на тропу войны. Несмотря на склонность к хвастовству и чрезмерную гордость, эти люди иногда становились дисциплинированными, верными, храбрыми и привычными к опасности, но нужда, опасности и нестабильность их жизни развили в германцах скупость, буйство, грубость, презрение к слабым и побежденным, кровожадность и жажду причинять страдания другим. Каждый ненавидел каждого, и прощение было невозможно. Германцы были суеверны и невежественны, вспыльчивы и свирепы, как дикие звери, которых мучат страдания и голод. Кроме мощного давления необходимости, их толкала на войну зависть, возникавшая при виде благ имперской цивилизации. Жизнь в империи казалась такой чудесной, легкой и приятной по сравнению с тем полным риска существованием, которое вели их народы в течение многих тысячелетий. И как раз в то время, когда варвары уже теряли способность сдерживать свои желания, римский мир становился все более сонным, вялым и равнодушным ко всему. Вторжения стали ударами, пробудившими его от этой сладкой дремоты.

ГЛАВА 2

Вторжения и создание варварских королевств в христианской Европе. – Разрушение римского общественного и экономического строя (V–VII вв.)

До этого Римская империя почти 600 лет противостояла постоянному давлению варварских племен с помощью прекрасной сети крепостей и укрепленных лагерей, в которых несла охрану регулярная армия из 400 тысяч легионеров. В конце концов Рим поверил в свою непобедимость и бессмертие. В III в. империя отбила мощнейшее нападение (готов, скифо-сарматов и др. из Причерноморья на Балканский полуостров и Малую Азию; Сасанидского Ирана на Ближний Восток; франков, маркоманов, алеманнов и саксов на Галлию, Италию и побережье Британии. – *Ред.*), подобного которому не было со времен вторжения на ее земли галлов (ок. 387 или 390 до н. э.), тевтонов и кимбров (105–101 до н. э.); и после 50 лет борьбы Аврелий, Клавдий и Диоклетиан сумели восстановить военную мощь империи. Но уже началась та политика, которая считалась находчивостью и ловкостью, а на самом деле была близорукостью. Она позволила зданию римской государственности пропитаться чужеродными элементами, которые лишили его прочности и в итоге погубили. Множество варваров были допущены в провинции как поселенцы, варваров из любого народа принимали и поодиночке, и целыми отрядами на службу в легионы под именем союзников (*laeti, foederati*). Большое число военнопленных в качестве колонов возделывали землю в крупных поместьях. «Варвары работают за нас, сеют за нас и сражаются за нас», – писал Проб. Эта мера была опасна: она поддерживала у жителей ослабшего государства иллюзию того, что оно сильно и им ничто не угрожает, усугубляла нехватку патриотизма, которого и так было недостаточно у большинства, ослабляла дисциплину в обществе, уменьшала бдительность и энергию.

Тысячи варваров, живших теперь в империи, никак не могли быть хорошими защитниками цивилизации, к которой у них, конечно, не было ненависти, но с которой была лишь очень слабая связь. Ведь новые, успешные вторжения варваров в V в. не были вызваны их ненавистью к цивилизации. Захватчики были просто очередной волной тех, кто искал убежища в империи, и вначале они просили всего лишь дать им в ней скромное место. В истории поселения варваров в империи жестокие вторжения были исключением, и если они случались, то их вызывала нужда или столкновения с другими народами за пределами империи. Как правило, будущие наследники империи являлись как вооруженные просители и были счастливы, если получали земли и колонов за то, что будут служить Риму как солдаты. Но беспорядок, порожденный продолжавшимися 200 лет вторжениями – как мирными, так и насильственными, в итоге уничтожил если не всю империю, поскольку ее восточная половина выдержала эти удары, то по меньшей мере ее западную половину с центром в Риме, которая оказалась не способна сопротивляться с такой же силой, как Восток со столицей в Константинополе (построенном в IV в. Константином на месте древнегреческого Византия. – *Ред.*).

Великое переселение народов началось в конце IV в. и продолжалось до конца VI в., а в некоторых случаях и позже. Началось с того, что западные гунны, изгнанные с берегов Аральского озера (так у автора. – *Пер.*), напали на готскую империю, существовавшую на берегах Черного моря, уничтожили ее и, ведя с собой остатки покоренных ими германских и славянских (а также иранских и угро-финских. – *Ред.*) народов, вынудили часть готов (вестготов) искать убежища на землях Восточной империи – в Мёзии и Фракии, где их приняли как союзников. Вскоре эти неудобные союзники попытались увеличить свою территорию и основать свои поселки в Италии, но Феодосий отбросил их назад, разбив в битве при Аквилее (394). (Сначала готы, испытывая голод, подняли восстание и в 378 г. под Адрианополем уничтожили

римскую армию – погиб император Валент и 40 тысяч римских воинов. – *Ред.*) После этого, под властью слабых преемников этого великого императора, обессиленная и разделенная в 395 г. на две части империя перенесла один за другим два тяжелейших удара – два великих вторжения. Первое из них, когда в империю ворвались 200 тысяч севов, вандалов и бургундов, Стилихон остановил у Фьезоле в 406 г., а вторым было нападение вестготов, которых он же разгромил у Полленции. (Сначала Стилихон в 402 г. разбил вестготов Алариха I у Полленции, а затем в 406 г. у Фьезоле (близ Флоренции) – остготов, севов, вандалов, аланов, сарматов и др. Радагайса, который был пленен и убит. Однако в 408 г. защитник империи Стилихон был казнен по наущению придворных императором Гонорием. – *Ред.*)

Галльские провинции и Испания, оставшиеся без защиты, были затоплены, словно наводнением, полчищами других германских племен. После смерти Алариха I, который с третьей попытки разграбил Рим и Италию в 410 г., Запад получил короткую передышку. Римское правительство, следуя правилам традиционной политики, позволило вестготам поселиться в Аквитании и в районе Нарбона, а позже и в Испании (415–446). Бургунды же получили разрешение поселиться в Палатинате (Пфальце), а позже – в Савойе. Рипуарским франкам были выделены (400–436) земли на левом берегу Рейна рядом с их родственниками, салическими франками, которые уже жили на римской территории на берегах реки Эйссел. В тот момент казалось, что Восток находится в большей опасности, чем Запад, поскольку тогда же возникла великая империя гуннов, простиравшаяся от Каспийского моря до Дуная и Альп. Императорам даже пришлось платить ей дань (434–435). Но победам гуннов пришел конец: в Галлии, в сражении на Сене или на Марне (451) (на Каталаунских полях. – *Ред.*) гуннов и их союзников (германцев и др.) совместными усилиями разгромили римляне и их союзники германцы и аланы под командованием Аэция. (И снова спаситель Западной Римской империи, на этот раз последний, был усилиями правящих дегенератов ликвидирован – Аэция в 454 г. отравили по приказу Валентиниана III, выросшего и укрепившегося во власти под опекой этого великого полководца и дипломата. Тем самым выродившаяся правящая верхушка Западной Римской империи сама вырыла себе могилу; в 476 г. все было кончено – один из варварских военачальников, Одоакр, лишил последнего римского императора Ромула (по иронии судьбы носившего то же имя, что и основатель державы) знаков императорского достоинства. – *Ред.*) Смерть Атиллы (454) избавила Европу от гуннской угрозы, но не защитила от новых захватчиков – остготов, аланов, лангобардов, славян, болгар и авар (с V по VII в.), которые постепенно опустошили земли по Дунаю, Иллирию, Мёзию, Грецию и даже Фракию. Однако мощь и хорошая организация войск Восточной империи позволила ей продержаться (и даже наступать при Юстиниане) до времени правления Ираклия, дружески принимая некоторых захватчиков как союзников, а остальных отбрасывая назад до среднего течения Дуная. Но Западная империя стала добычей варваров. На северо-западе пиратские шайки англов, ютов и саксов покорили романизированных кельтов Британии и основали здесь свою гептархию – семь маленьких королевств. В Восточной Галлии бургунды создали государство в Швейцарии и долинах Соны и Роны (434–531). На юге вестготы заняли все земли вплоть до Луары, а также Прованс и всю Испанию (462–480). На севере франки расселились по Бельгии, а потом с помощью римской церкви основали первую великую варварскую империю Запада (486–521). Италия, которой их влияние не достигало, пережив проникновение на ее землю врагов в 406 и 410 гг., теперь перенесла еще четыре вторжения – нападения вандалов и аланов Гейзериха, в 429–439 гг., захвативших Северную Африку с Карфагеном (455), гуннов Атиллы (452), герулов Одоакра (457–476) и остготов Теодориха (493) – а затем, после короткого периода правления византийских императоров, восстановивших в Италии власть прежней империи, уничтожив государство остготов, стала добычей лангобардов (568–584).

Таким образом, Западная империя перестала существовать де-факто с 476 г., но формально варвары называли себя наследниками власти Рима в Западной Европе, признавая, чаще на словах, главенство императора в Константинополе.

Почти все перечисленные банды захватчиков и союзников вначале хотели только жить в империи, под опекой Рима и под сенью его всеми почитаемого имени. Почти все они объявляли себя союзниками, солдатами и защитниками Рима. Чтобы добиться послушания от римского народа, они появлялись на людях в облике римских должностных лиц – как *magistri militum*, консулы и патриции, причем знаки своих римских званий надевали поверх своих собственных нарядов варварских вождей. Эти короли и князья правили с помощью старой бюрократической системы и при поддержке старой римской аристократии и церкви.

Но через 100 лет или чуть позже они признали бесполезность притворства, и оно стало им надоедать. Варварские правители были сильны раболепием романизированных народов и уверены в том, что власть у них сохранится, пока они будут сохранять то безраздельное военное господство, которое уступил варварам Рим.

Поэтому они не замедлили показать, каковы они на самом деле, и тогда цивилизованный мир испытал губительные последствия смены власти, от которой был не в силах защититься, и стали по-настоящему ощущаться разрушительные результаты варварских завоеваний.

Первым из этих результатов было искажение понятия «государство». Варварские монархии – странные сочетания римского деспотизма и власти германских князей – три столетия задыхались в объятиях вождей своих воинских банд, ставших предводителями буйной аристократии. Они позволили развалиться римской административной системе, которая была подобна крепким доспехам, а сами оказались не в силах предотвратить ужасающую анархию, которая почти привела к распаду западного общества. Мир выиграл при этом от исчезновения римского абсолютизма и римской налоговой системы, но на много столетий лишился всех благ, приносимых порядком и долгим миром.

К счастью для цивилизации, романизированное население и по численности, и по социальному развитию настолько превосходило захватчиков, что в основной части Европы варварская колонизация оказалась лишь тонкой прослойкой, под которой сохранился мощный слой жизни, оставшийся после господства римлян. Древние народы – латиняне и другие италики, кельты, иберы, фракийцы, иллирийцы и эллины, различия между которыми настолько сгладились за годы империи, что образовалась единая общая культура, быстро ассимилировали, поглотили или изменили своих новых соседей – славянские, германские и даже азиатские народности. Правда, от контакта с этими соседями они потеряли значительную часть своей цивилизованности, но все же остались хранителями римского наследия, прежде всего в области религии. Что касается варваров, то некоторые из них, например ругии, остготы, свевы и вандалы, исчезли, не оставив следа. Германцы, булгары и славяне в Восточной Римской империи почти сразу же эллинизировались. На юго-западе только аристократы, потомки прежних завоевателей, продолжали считать себя лангобардами (в Италии) и вестготами (в Испании), но от германской колонизации остались только еле заметные следы, причем лишь в части областей – на севере Испании, в герцогствах Беневенто и Сполето, Тоскане и Северной Италии. Галлия южнее Луары тоже почти не сохранила следов германского владычества, от которого какое-то время страдала. Остались небольшие следы саксов на полуострове Котантен и в области Мен (к югу от Нормандии) и бургундов в двух Бургундиях и Западной Швейцарии.

Только на севере и северо-востоке Древней Галлии и на римских землях по Дунаю германская колонизация оставила более глубокий отпечаток, но даже здесь его глубина была очень разной в разных случаях. Франки, саксы и фризы заселили Нидерланды, Фландрию, Булонский округ и Артуа, но валлоны, потомки римлян, сохранили за собой долины Самбры и Мёза (Мааса). Романо-кельтское население Эльзаса и Палатината, подобно им, сохранило прежние, латинские и галльские, основы своего жизненного уклада, несмотря на вторжение аламаннов

(алеманнов), а в Англии то же сделали бритты, несмотря на толпы англов и саксов, которые буквально затопили их землю. Только на правом берегу Рейна, на берегах Майна, на Дунае и в Центральных Альпах германские колонизаторы – аламанны и баварцы – стали хозяевами, и тевтонское варварство восторжествовало, а остатки романизированного населения сохранились лишь в нескольких разделенных большими расстояниями местах.

Но хотя вторжения и на Западе, и на Востоке мало повлияли на этническую основу древней Римской империи, они стали катастрофой для римского общества и римской экономики. На долю человечества редко выпадали такие несчастья, как тогда. Народные массы понесли большие потери при смене хозяев. Верхние и средние слои прежнего римского общества были уничтожены военной грозой или ограблены варварами, а их уцелевшие представители смешались с завоевателями. Собственность – вся или часть ее – переходила в руки новых владельцев. На Дунае и Рейне германцам мало было занятых ими государственных земель и брошенных хозяевами имений, и они конфисковали дома и земли у всех частных владельцев. В Британии случилось то же самое: там англосаксы полностью ограбили бриттов. В Бельгийской Галлии, от Рейна до Северного моря, франки, бывшие «гости» (*hospites*) империи, присвоили себе государственные имения, которыми пользовались только как арендаторы, и поселились на покинутых или незанятых землях, не проводя насильно бесполезные границы между своими владениями и землями галло-римлян. Во всей этой обширной части древней империи римское поместье, *villa*, уступило место германской деревенской общине, называвшейся *tun*, *weiller* или *dorf*. В других областях империи – в Галлии и Аквитании, Испании и Италии – бургунды, вестготы, герулы, остготы применяли или изменяли в свою пользу те права, которые Римское государство признавало за своими защитниками. В качестве «гостей» они просили, во исполнение... официального закона гостеприимства, не только дома и места для поселения, но также определенную часть всех земельных владений и того, что в них производилось. Вестготы и бургунды таким образом потребовали и захватили по закону две трети крупных имений имперского государства и аристократов империи, оставив лишь одну треть в полной собственности крупных римских землевладельцев. Таким же образом они заставили римлян уступить им две трети садов, виноградников, скота, рабов, колонов и домов. Прежние хозяева и новые владельцы, называвшиеся «гостями» или совладельцами (*consortes*), жили рядом в одних и тех же поместьях и делили доходы с них между собой в пропорции, установленной законом. Лесами и пастбищами они пользовались совместно. Поскольку германцев было не очень много, этот способ взимания военной добычи применялся без труда, оставлял мало следов и причинял страдания лишь малому числу землевладельцев. В Италии такое взимание добычи применялось еще мягче: у римлян требовали лишь третью часть земли и доходов с нее, но герулы своей грубостью вызвали ненависть к этой мере. Однако сменившие герулов Одоакра более умные остготы Теодориха сумели сделать ее приемлемой. Они в качестве «гостей» забирали себе, действуя через чиновников казначейства, треть денежных и натуральных доходов с государственных земель и с крупных частных владений, которые были им выделены. Но с появлением лангобардов все изменилось: этим грубым захватчикам мало было поселиться самим вместе с семьями в имениях крупных римских землевладельцев, которых они убивали во множестве, и в земельных владениях церквей, которые они грабили. Лангобарды, кроме этого, еще заставляли выживших латинян платить новым германским «гостям» треть урожая с земель, которые те арендовали. Так произошло великое перераспределение собственности на Западе. Оно пошло на пользу земельной аристократии, в составе которой преобладали германцы, смешавшиеся с ассимилированными римлянами, но повредило сословию свободных мелких собственников, численность и влияние которых, естественно, стали очень быстро уменьшаться. С тех пор как перестала существовать империя, поглощение крупным, принадлежащим аристократу, поместьем соседних с ним земель все больше становилось нормой. Вторжения дали таким владениям новые силы, позволившие им выжить и расшириться.

Одновременно с этим на цивилизованном Западе, где гений римлян добился преобладания индивидуальной собственности, возродились примитивные формы землевладения – коллективная собственность деревни и семьи.

Германцы принесли в империю вовсе не демократические принципы свободы и равенства, а, наоборот, угнетение бедного богатым, а слабого сильным. Они подчинили народ олигархической власти своих вождей, сделав этих вожаков воинских банд хозяевами сразу и людей и земли. Рим переплавил в одно целое все сословия и вошедшие в империю народы и уравнивал их перед своими законами. Германцы же, согласно своим обычаям, установили полнейшее неравенство между народами своих варварских государств. В Галлии существовало целых семь разных законодательств для ее жителей в зависимости от их происхождения – отдельные своды законов для галло-римлян, салических франков, рипуарских франков и франков-хамавов, бургундов, вестготов и алеманнов. Различные слои общества также были отделены один от другого словно высокой стеной: к каждому из них применялось свое уголовное право, причем к высшим сословиям проявлялась постыдная мягкость, а к низшим варварская жестокость, людей низкого звания можно было наказывать увечьем и пыткой. Одинокая в своей гордости аристократия постаралась закрыть низшим путь вверх по общественной лестнице: знатный человек, вступивший в брак с человеком иного сословия, лишался своего высокого звания. Варвары не осмеливались на открытые попытки поработить свободных по рождению германцев, которые жили рядом с своими вождями на землях империи. В сильно романизированных округах Южной Галлии, Испании и Италии они даже позволили существовать небольшому количеству свободных мелких собственников римского происхождения. Но новые варварские аристократы начали везде и постоянно различными тайными уловками отнимать у простых свободных земледельцев их землю и личную свободу. А практически полное исчезновение центральной власти, когда господином был тот, кто силен, облегчало им задачу. Во всех областях, где преобладали германские поселения, прежний римский класс землевладельцев исчез: они были либо убиты, либо обращены в рабство. В Британии англосаксы превратили тех бриттов, которым они сохранили жизнь, в колонов или сельских рабов. Во всей Бельгийской Галлии, в бассейнах Рейна и Дуная, те свободные жители галл о-римского происхождения, которые уцелели после резни и не покинули этот край, были вынуждены возделывать землю в поместьях и крестьянских хозяйствах завоевателей-германцев как полурабы (*tributarii*) и пополнили ряды прежних колонов. Так варвары решили проблему рабочих рук в сельском хозяйстве и смогли жить в праздности за счет труда прежних римских владельцев земель и земледельцев. В кельтской Галлии, Испании и Италии такая судьба постигла меньшую часть прежнего свободного населения, но по мере укрепления власти варваров доля поработенных стала повсюду одинаковой. Например, лангобарды в полуостровной Италии уравнивали всех свободных людей, даже священников, с римскими и германскими колонами.

В христианской империи возникновение сословия колонов было при ее законах шагом вперед в общественном развитии, но в годы правления варваров это сословие сделалось отсталым общественным учреждением, которое не уменьшало, а, наоборот, увеличивало зависимость человека. Римские законы обеспечивали колону личную свободу и постоянное проживание на земле, которую он возделывал, а варварские законы и обычаи приравнивали колона к крепостному, то есть к несвободному, человеку и к рабу, служащему в городском или усадебном доме, которого можно было оторвать от семьи и переселить из одного имения в другое. С другой стороны, крепостных перестали отличать от рабов, и положение тех и других стало одинаково непрочным. В Римской империи перед ее гибелью рабство уже исчезало, но в течение трех столетий после варварских вторжений оно возродилось и стало очень быстро распространяться. Постоянные войны и набеги, настоящая охота на людей, подобная той, которая и сейчас еще продолжается в Центральной Африке (автор писал это в конце XIX – начале XX в., когда арабские купцы, уже после отмены рабства в Америке, продолжали в большом количе-

стве покупать у африканских вождей и царьков местных чернокожих рабов для мусульманских стран. – *Пер.*), поставляли на невольничьи рынки тысячи мужчин и женщин по невероятно дешевой цене. Уголовное законодательство варваров увеличивало число этих несчастных, приговаривая виновных к рабству за самые мелкие проступки. С другой стороны, преобладающее большинство населения жило в такой нищете, что для очень многих отчаявшихся людей рабство было чем-то вроде убежища. В результате всего этого большая часть того римского населения, которое пощадили победители в Британии, на Дунае и Рейне, даже в Галлии и Бельгии, а также в Италии (в период господства лангобардов), была обращена в рабство. Домашних слуг для себя знать добывала таким же образом, а часть работы по возделыванию земли и уходу за стадами была поручена отрядам рабов (*servi rustici, mancipia*). Эти люди, которых снова приравнивали к животным и предметам, были прикованы к своему ужасному положению законами: законодательство затруднило и сделало более редким освобождение рабов и запретило браки между свободными людьми и рабами. Закон снова дал господам власть над жизнью и смертью своих рабов, а рабов оставил беззащитными перед бесчеловечной жестокостью и зверской яростью господ. Перечисление жестоких наказаний, которые угрожали рабам, – лишение ушей, носа, глаз, языка, рук, детородных органов – занимает целые разделы в варварских сводах законов и заставляет читателя содрогнуться. В этом случае человечество очень далеко ушло от гуманизма, следы которого оставались в римских законах о рабстве II–IV вв.

Все гарантии сохранения жизни и собственности, которые давала человеку умирающая античная цивилизация, исчезли при анархии, которую создали варвары. Даже в остготах, вестготах и франках, которые долго жили в империи и уже наполовину романизировались, вдруг проснулась свирепость их предков, и эти «гости» превратились в разнузданных убийц. Аларих I и его люди в Беотии, Аттике, Фессалии и Македонии убивали местных жителей, уводили их женщин и скот. Даже Сальвиан, епископ Марселя (р. ок. 390 – ум. ок. 484), который известен своими похвалами варварам, написал: «Для нас нет ни мира, ни безопасности». Другой современник этих событий, Проспер Аквитанский, около 416 г. восклицал: «Уже десять лет, как мы оказались под мечами вандалов и готов; наш народ погиб, они убивают даже детей и юных девушек». В VI в. такие же преступления совершали германцы из Австразии (восточная часть государства франков, которая иногда становилась самостоятельным государством. – *Пер.*) в Оверни и Аквитании. Те германцы, которые не соприкасались с римской цивилизацией, были еще свирепее. Англы, юты и саксы были дикими кровожадными зверями, и перед тем, как отплыть от берега, они обычно убивали каждого десятого из своих пленников. В Британии они вели себя так жестоко, что романо-кельтские аристократы бежали в Арморику (Бретань), спасаясь от смерти, а множество бриттов были убиты. Алеманны запомнились жителям Западной Европы своей жестокостью не меньше, чем гунны. Банды воинов, которые ворвались в Италию и Галлию во время великого вторжения 406 г., сеяли далеко вокруг себя ужас своими жестокими делами. Город Августу Треверов они превратили в бойню, псы и хищные птицы пожирали голые тела его жителей – мужчин и женщин. В Аквитании и Испании христиан и христианских священнослужителей избивали, заковывали в цепи и сжигали живыми. Всюду при разграблении городов происходило надругательство над женщинами. Захватив Рим, вестготы Алариха, отдыхая в тени, заставляли пленных сенаторских сыновей и дочерей, попавших к ним в гаремы, подносить им фалернское вино в золотых кубках. После каждого похода захватчики расширяли женские половины своих домов. Один современник тех событий свидетельствует, что в течение всей второй половины V в. «лес мечей косил итальянскую знать, как пшеницу». Позже, в VI в., лангобарды перешли в своей дикой жестокости все пределы.

«Убить человека для них – ничто, – утверждал Павел Диакон (р. ок. 720–?; лангобардский историк из знатного лангобардского рода. До завоевания лангобардского королевства Карлом Великим (773–774) служил при дворе короля лангобардов Дезидерия, позже перешел на службу к Карлу Великому. Основной труд: «История лангобардов». – *Ред.*). – Подобно выну-

тому из ножен мечу, эти свирепые полчища несли гибель, и люди падали, как колосья пшеницы, срезанные серпом». На Востоке повсюду было то же ужасное зрелище: в Македонии, Фессалии, Греции, Иллирии, Эпире и дунайских провинциях вторгавшиеся банды гуннов, сарматов, германцев, славян, а позже тюрок убивали мужчин и уводили женщин и детей. Остготы топорами отрубали руки крестьянам в Паннонии, славяне распинали на крестах вниз головой и земледельцев и ремесленников, которых захватывали в плен, а потом расстреливали их так, что все тело было утыкано стрелами. (Это из описания вторжения русов в 860 и 941 гг. в окрестности Константинополя, здесь бесчинствовали не столько славяне, сколько их предводители варяги – по наущению Хазарского каганата, которому Юго-Восточная Русь подчинялась с 830-х (с перерывом в конце 800-х – начале 900-х гг.) до уничтожения Хазарии в 965 г. Святославом. Славяне, конечно, вторгаясь в империю, тоже грабили, но не зверствовали, как германцы, гунны и тюрки. – *Ред.*) На всем полуострове там, где раньше стояли деревни, белели кучи костей: жители были перерезаны или умерли от голода.

Разрушать и грабить варварам было так же приятно, как убивать и насиловать. Оттуда, где они проходили, они уносили все, оставляя позади только пламя пожара и злоешие развалины. По свидетельству святого Иеронима (р. ок. 340; выдающийся деятель христианской церкви, перевел Библию с греческого на латинский язык, за что и канонизирован. Ум. 420. – *Пер.*), за 406–416 гг. варвары уничтожили все признаки цивилизации от Альп до Пиренеев и от океана до Рейна. Епископ французского города Ош (на юге Аквитании в Гаскони) написал: «Вся Галлия горела в одном костре». То же говорит в своей поэме Проспер Аквитанский: «Божьи храмы были преданы огню, монастыри были разграблены. Если бы волны океана затопили поля Галлии, они нанесли бы меньший урон». Он описывает и самих вестготов – как они грабят римские виллы, уносят серебро, мебель, уводят скот, делят между собой драгоценности и пьют вино. Когда они во времена поэта Сидония Аполлинария (471–475) проходили через Овернь, их свитой, по его словам, были «огонь, меч и голод». В первой трети V в. святой Иероним, проезжая по итальянским провинциям после тогдашних вторжений, не видел почти ни одного целого дома или возделанного поля. Если такое позволяли себе полумодернизированные люди, легко можно себе представить, как вели себя совершенно дикие вандалы, гунны, алеманны, англосаксы и лангобарды. Алеманны в романизованных округах на Рейне и Дунае наполняли свои повозки доверху мебелью, нарядными одеждами и даже камнями из стен вилл, а то, что не могли увезти, сжигали. Гунны уничтожали все, оставляя за собой пустыню. Вандалы грабили так старательно, что название этого народа стало обозначать свирепых разрушителей, англосаксы заслужили такую же репутацию. Герулы своими набегами довели Италию до нищеты, а лангобардов Павел Диакон (сам лангобард, но уже цивилизованный. – *Ред.*) называет «народом воров», всегда с одинаковой легкостью готовым на убийство и разбой. В то же самое время, когда варварам удалось создать постоянные поселения, постоянные войны между королями и народами, племенами и отдельными общинами и семьями продлевали жизнь этих обычаев, которые так губительны для непрерывной и продуктивной общественной и экономической жизни. Во время таких военных действий, как поход войск Австразии на Овернь и Аквитанию в VI в., все, что еще оставалось от прежнего процветания страны, исчезало под грубыми руками варваров, которые сжигали урожай, срубали плодовые деревья, вырывали виноградные лозы, опустошали амбары и погреба, угоняли толпы пленных и стада домашнего скота – то есть сеяли вокруг себя опустошение и смерть. Иногда дошедшее до предела отчаяние заставляло крестьян взяться за оружие: так, в V в. испанские багауды сопротивлялись свевам и вестготам. Но, как правило, сопротивления не было, потому что народ знал: оно бесполезно.

В этом обществе, которое было полностью отдано в жертву произволу грубой силы и ничем не сдержанному варварству, экономическая жизнь увядала, и порой казалось, что она угасла окончательно. Объем сельскохозяйственных работ был мал из-за гибели огромного числа мужчин от рук захватчиков, из-за походов за рабами, голодных лет и эпидемий, кото-

рые стали почти регулярными. Безопасность становилась все меньшей, из-за этого люди потеряли охоту заниматься производительным трудом, и повсюду на Западе и на Востоке появились большие пространства пустой земли, необитаемой и невозделанной. Во всех документах упоминаются эти опустевшие земли – *eremi, vastinae, solitudines, loca invia*. От Испании V в., по словам летописца Идация, осталось «только имя». По всей Нарбонской области крестьянские дома лежали в развалинах, и нельзя было различить даже мест, где раньше были виноградники и оливковые рощи. Арморика и значительная часть Гельвеции снова стали дикими и безлюдными, а Северная Галлия, как свидетельствует Салическая Правда, тоже была полна брошенных земель. Готский хронист Иордан описывает опустевшие дунайские провинции, где «не было видно ни одного пахаря», а Прокопий – такие же безлюдные поля Балканского полуострова, которые, по его словам, были «похожи на Скифскую пустыню». Кент, сегодня одно из самых оживленных мест в мире, похожее на муравейник, после англосаксонских вторжений был узкой полосой обитаемой земли на границе обширных лесов и безлюдных земель. Лес снова воцарился на бывших пашнях и покрывал значительную часть Галлии, Британии, Рейнланда, земель Дуная, Северной Испании и Центральной Италии. Фландрия, которая позже стала «одним большим городом», тогда была болотистым лесным краем. Болота были повсюду: в низинах Нидерландов, в восточных графствах Англии, в океанской и средиземноморской Галлии, в долинах рек По, Арно и Тибр и вообще в большинстве речных долин. Варвары-германцы не умели ни как следует ухаживать за скотом, ни разводить его, и скот постоянно нес большие потери от ящура. Земля, которую плохо обрабатывали новые хозяева, ничего не знавшие о римских научных приемах сельского хозяйства, теперь давала лишь неустойчивые урожаи. Германская система совместной обработки земли с периодическим перераспределением участков, введенная на части бывшей территории империи, только увеличила это зло. Часть земель, которые могли бы давать богатый урожай, например тех, где росли плодовые сады, виноградники и посевы сельскохозяйственных растений, были в тех провинциях, куда эти культуры завезли римляне, заброшены.

Тем не менее те несчастные и нищие люди, которым удалось уцелеть, укрывались в полях и в больших имениях, которые были защищены рвами и частоколами или насыпями из земли и камней или же под защитой старых римских поселков (*vici*), которые могли служить убежищем мелким сельским хозяевам. Натуральное хозяйство снова стало господствующим укладом, и жизнь сосредоточилась в деревенских округах, где предпочитали жить варвары.

Гибель городов, которые были центрами греко-римской цивилизации, нанесла смертельный удар промышленной экономике. Варвары с особой свирепостью уничтожали те города, в которых развились и продолжали существовать самые процветающие отрасли промышленности и братства ремесленников. Повсюду завоеватели разгоняли население городов и уничтожали все, что могло быть напоминанием о цивилизованной жизни, – храмы, церкви, базилики, театры, цирки. Здания и памятники ждала одна и та же гибель в огне, и множество до сих пор процветавших городов Запада и Востока теперь исчезло навсегда. Одни только гунны уничтожили семьдесят городов в западных и иллирийских епархиях. Славяне разорили и опустошили города Иллирии, Дакии и Дардании. В придунайских областях исчезли Маркианополь и Ратиария в Мёзии, Сисция, Сирмий и Аквинкум (Буда) (римский город Аквинкум, развалины которого находятся возле нынешнего Будапешта. – *Пер.*), Карнунт, Виндобона (Вена) и Эмона в Паннонии, Вирун, Ював (Зальцбург), Лаури в провинции Норик; Курия в Реции (сейчас это город Кур в Швейцарии. – *Пер.*), Августа Винделиков (Аугсбург). В рейнских провинциях в течение V в. были уничтожены Аврелия Аквенсис (Ахен), колония Ульпия Трояна (Ксантен), колония Агриппина (Кельн), Новиомаг (Утрехт), Могонтиак (Майнц), Борбетомас (Вормс), Аргенторат (Страсбург), Августа Треверов (Трир), Августа Рауриков (Базель) и Новиомаг (Шпайер). В Бельгийской Галлии были разрушены города Адуатука (Тонгерен), Торнакум (Турне), Дурокортор (Реймс) и Диводур (Мец). В Британии созданные римлянами

процветающие маленькие города Лондиний (Лондон), Эборак (Йорк), Камулодун (Колчестер), Дуроверн (Кентербери), Вента Иценорум (Норидж), Аква Солис (Бат) превратились в груды развалин. В кельтской Галлии от гельветского города Авентикум (совр. Аванш в Швейцарии) не осталось камня на камне, и так же полностью была разрушена Юлиобона, важный город в устье Сены. Австразийцы сожгли Тьер и Бриуд, аланы – Валенцию (Валенсию), вестготы – Бурдигалу (Бордо). В Испании свевы уничтожили Эмериту Августу (Мериду), вандалы – Гиспал (Севилью) и Новый Карфаген (Картахену), вестготы – Астурику Августу (Асторгу), Палланцию (Паленсию) и Бракару (Брагу), в Тарраконе (Таррагоне) уцелела только половина построек. В Италии вандалы обошлись с сицилийскими городами Панормо (Палермо), Сиракузами, Катаной (Катанией) и Тавромением (Таорминой) так, что в конце VI в. те еще не ожили. В Северной Италии следовавшие одно за другим вторжения вестготов, гуннов, герулов, остготов, австразийцев и лангобардов привели к полному или частичному разрушению Аквилеи, Конкордии, Одерцо, Эсте, Тревизо, Виченцы, Падуи, Мантуи, Кремоны, Популониума, Фермо, Озимо, Сполето, части цизальпинских, лигурийских и тосканских городов, а также многих городов в Кампании и других местах. Горожане в ужасе бежали на острова, в леса и горы. Современник тех событий написал: «Теперь тот, у кого есть хлеб, может называть себя богатым». У тех остатков прежних жителей, которые возвращались обратно и селились среди развалин, соседями были дикие звери. Сам Рим, три раза разграбленный в V в. и пять раз взятый штурмом в VI, был лишь тенью прежней великолепной столицы империи: во времена римского папы Григория I Великого (папа в 590–604 гг.) там было всего 50 тысяч жителей – в двенадцать раз меньше, чем когда-то. За разваливающимися стенами этих городов-призраков и на их наполовину опустевших улицах продолжало кое-как выживать небольшое число жалких ремесленников – все, что осталось от прежних процветавших ремесел. Большая часть тех земель, с которых исчезли дома и жившие в них люди, была занята пашнями и садами. Промышленная деятельность прекратилась, были утеряны даже традиции античной промышленности. Запад вернулся к примитивной экономической жизни первобытных народов.

Среди этого всеобщего распада коммерческая деятельность сузилась до простой торговли продовольствием и предметами первой необходимости. Крупномасштабная внутренняя и внешняя торговля, которая так блестяще развивалась во времена империи, теперь не могла существовать. Средств, которые необходимы, чтобы двигать вперед коммерческое дело и облегчать его ведение, не было. Земля снова стала единственным капиталом, а ее продукция служила средством обмена. Меновая торговля – примитивный вид торговли, который был в ходу у германцев, – возродилась в бывшей Римской империи (в западной ее части), где теперь деньги стали редкостью, а кредитование прекратилось. Прекрасные римские дороги, которые никто не чинил, приходили в негодность, мосты рушились, имперская почта перестала существовать, и почтовых станций больше не было. Быстрое передвижение по дорогам стало невозможным. Всюду было опасно: грабители нападали на путников и купцов в лесах и у переправ через реки и болота. Из-за разбойничьих шайк, которые бродили по всей стране, поездки стали опасными, и люди передвигались по дорогам лишь собравшись в караван и в сопровождении вооруженной охраны. Порты пришли в упадок, моря кишели пиратами, морская торговля стала такой же ненадежной, как и сухопутная. Большинство крупных транспортных компаний распалось, и кораблестроители разорились. Один писатель V в. пишет: «Тот, кто раньше снаряжал шесть больших судов, теперь счастлив, если владеет всего одним маленьким кораблем».

Беда и нужда царили повсюду – и в городах, и в деревнях. Множество нищих жалобно просили милостыню перед дверями церквей, возле замков в больших имениях и у королевских дворцов. Именно из этих несчастных формировались банды преступников, которые действовали в огромном количестве повсюду. В 410 г. в Риме было не меньше 14 тысяч людей, которые жили милостыней. «Несчастные мы, несчастные!» – сокрушенно писали Сальвиан в V в. и Григорий I Великий в VI в. Все акты тогдашних консулов и переписка государственных дея-

телей того времени звучат как эхо одного долгого горестного крика. «Кажется, мир пришел к концу», – жаловался Григорий I. И действительно, смерть мощными взмахами своей косы уничтожала огромное количество людей, уцелевших после вторжений. Многие из тех, кто спасся от меча и огня, умерли от лишений и голода или стали жертвами природных бедствий, которые теперь обрушились на человечество. В Норике, Галлии, Испании и Италии годы вторжений были и годами голода. Даже в мирное время и Восток и Запад боялись, что еды не хватит. У всех на устах была поговорка: «Все, что угодно, лишь бы не голод» («Cuncta fame leviora mihi»). Но голод возвращался регулярно – после засух и наводнений, после опустошений, устроенных воинственными бандами. Иногда он оказывался таким ужасным, что бывали случаи людоедства. В VI в. голод был особенно частым – по сути дела, постоянным, и всего лишь в один голодный год (536) только в одной провинции Центральная Италия умерло от голода 50 тысяч крестьян. В 556 г. даже Восток испытал ужасы голода – и это в победоносное царствование Юстиниана. (Автор не упомянул так называемую Юстинианову чуму 541–543 гг. – тогда, а также в последующие 50 лет в Средиземноморье и в примыкающих регионах умерло около 100 миллионов человек. – *Ред.*) Эпидемии, дизентерия, тиф и азиатская чума довершали губительный труд голода. Все эти болезни процветали в V в. и еще больше во второй половине VI в. и в VII в., особенно в Британии и Италии. В Ирландии, Уэльсе и англосаксонских королевствах погибло от третьей части до половины населения. В Оверни (571) в одно воскресенье 300 человек упали мертвыми только в одной церкви. В Риме Григорий I за один час увидел на улицах восемьдесят человек в предсмертных судорогах. С 552 по 570 г. Восточную империю опустошала бубонная чума; в 746 и 747 гг. она появилась там снова и перекинулась на Сицилию и Калабрию. С этими эпидемиями может сравниться по губительной силе только Черная смерть XIV в. (страшная эпидемия чумы в Европе в 1346–1351 гг., когда умерло только в Европе 24 миллиона – $\frac{1}{4}$ населения. – *Пер.*). Из-за плохого физического состояния людей среди них стали частыми нервные болезни, проказа и антонов огонь (гангрена, заражение крови. – *Пер.*). Истощение лишало людей плодовитости, отчего уменьшилась рождаемость. В результате всех этих несчастий население и Запада и Востока (имперских земель) в те годы сократилось до одной из самых малых величин за всю христианскую эпоху. Дунайские, рейнские, британские и галльские области, где во II в. жило более 30 миллионов человек, лишились, по всей вероятности, половины или даже двух третей населения. Паннония, Норик, Реция, Гельвеция, Бельгия, Британия, Испания, Северная и Центральная Италия пострадали особенно сильно, а Балканский полуостров, возможно, еще больше. Современники этих событий и на Западе, и на Востоке все одинаково описывают опустошенный мир и ощущение одиночества и заброшенности, которое это зрелище оставило в их душах.

Некоторые из них даже думали, что дожили до конца света, предсказанного в Священном Писании.

Бедствие действительно было огромным и в материальном, и в духовном отношении, и казалось, что после него невозможно никакое возрождение. Жизнь, которая была цивилизованной, была отброшена назад к варварству. Не было уважения ни к труду, ни к уму. Господствовала сила, и шайки воинов безжалостно эксплуатировали западное общество. Вожди и их дружинники, составлявшие меньшинство населения, жили войной и грабежом и угнетали несчастных колонов и рабов, населявших их имения, копили награбленную добычу, наполняли свои гаремы девушками, конюшни лошадьми и псарни гончими, а свое свободное время заполняли пирами, охотой, собачьими боями и жестокими упражнениями в воинском деле. Знать и свободные люди держались в стороне от разрушенных городов, а жили на своих виллах, в семейных усадьбах или в хуторах на краю огромных общественных лесов, как и следовало жить праздным и грубым захватчикам. Низшие трудовые слои населения, которые работали на них, терпели все опасности, которые угрожают человеку в неупорядоченном анархическом обществе, где сила – единственный закон. Праздность, глупость, грубое поведение, невеже-

ство, легковерие и жестокость варваров заняли место строгого порядка в делах, вежливости, культуры и относительной гуманности римлян. Исчезло уважение к слабым, к крестьянам, к женщинам и детям. У вторгшихся захватчиков не было ни дисциплины, ни морали, которые могли бы сдерживать их, и они просто прибавили пороки цивилизации к варварской развращенности. Они не только не возродили мир, но едва не уничтожили цивилизацию навсегда. Они уничтожили упорядоченные общества Запада, но смогли только заменить их анархией. Они не принесли с собой свободу, а восстановили рабство; не уменьшили классовые различия, а установили новые границы между различными слоями общества; не улучшили положение низших классов, а ухудшили его; не помогли развитию экономики, а полностью разрушили экономическую деятельность, потому что всюду несли с собой беспорядок, грабеж и разрушение. Они не создали ничего, а уничтожили много и на несколько столетий остановили прогресс. Поселения варваров на захваченных землях были одним из самых больших известных в мире шагов назад и в общественном порядке, и в труде. Единственным полезным результатом вторжений было то, что они дали наиболее благородным душам энергию и стремление действовать. В качестве ответной реакции на варварство это породило ряд попыток вернуться к традициям римского правления и разбудило от сна погруженную в мистические размышления церковь, которая спасла остатки потерпевшей крушение цивилизации. На Востоке римское государственное здание устояло против бури и смогло служить образцом для подражания и основой при восстановлении общества и трудовой деятельности. На Западе дух и учреждения Рима приспособлялись к новой среде и позже, в конце Средних веков, вдохновили тех, кто пытался возродить экономику и общество.

ГЛАВА 3

Восточная Римская империя и восстановление экономики и общественной жизни в Западной Европе с V по X в. – Заселение новых земель и сельскохозяйственное производство. – Раздел имущества и классовый состав сельского населения в Восточной Европе

В продолжение шести первых столетий этого периода Восточная Римская империя со столицей в Константинополе являлась убежищем для цивилизации и потому смогла создать такую систему организации труда, которая была стабильнее и мощнее любой другой. Эта империя была лучше защищена своим географическим положением и армией, систему организации которой она почти полностью унаследовала от Римского государства и усовершенствовала сама, и потому в течение тысячи лет отражала все нападения варваров, а ее изумительная жизнестойкость позволяла ей залечивать раны после поражений. Когда вражеский меч отсек от империи ее земли в Африке, в Сирии, на Дунае и на Западе, а позже и в Египте, Сирии и Палестине, на Дунае, сосредоточение сил на меньшей территории помогло империи стать крепче. В течение 600 лет она успешно оборонялась от тьмы и разрушения, временами приходила в упадок, но каждый раз возрождалась в блеске нового процветания, и самый замечательный из этих периодов возрождения продолжался более 300 лет, с VIII (когда были разгромлены арабы) по XI в. (когда империя потерпела тяжкое поражение от турок-сельджуков при Манцикерте (Маназкерте)). Цивилизация Восточной Римской империи, изысканная и утонченная, дала ей силы в достаточной мере окультурить варварское население Востока, стать учительницей варваров Запада и избежать анархии, с которой постоянно должен был бороться Запад. В ней раньше, чем где-либо еще, был вновь создан народ истинно эллинского типа – не единый по происхождению и языку, как у эллинов, но по меньшей мере объединенный общими политическими и религиозными учреждениями, полный горячей любви к своей стране и жаждавший славы и величия для своего государства. Под заботливой властью сильного и просвещенного правительства, которому служил хорошо организованный корпус администраторов, и под защитой мощной религиозной и военной системы Восточная Римская империя стала поощрять восстановление и развитие всех видов экономической деятельности.

Один из византийских императоров X в. писал: «Для сохранения государства нужны две вещи – сельское хозяйство и военное искусство». По этой причине заселение опустевших сельских местностей и поощрение приезжающих осваивать эти земли крестьян-переселенцев стало одной из первоочередных забот для византийцев, которые так же, как римляне, считали землю основным источником богатства и власти. Восточная империя могла по праву гордиться тем, что решила эту задачу гораздо раньше Запада. Этот успех был достигнут благодаря методам освоения земель, которые она по большей части получила в наследство от Рима и продолжала применять со скрупулезной точностью. В фемах (провинциях) были основаны многочисленные военные поселения, где жили солдаты, которые возделывали выделенную им за несение военной службы землю (позже такая система успешно применялась в России – казацкие войска и военные поселения. – *Ред.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.